

События развивались в точности так, как и предвидели юноши. Стоило вести о визите в больницу к «мачехе» Лу Чжао — второму супругу Лу Шэна — просочиться в прессу, как она мгновенно оказалась в центре всеобщего внимания.

Хотя администрация клиники, оберегая покой больного, наотрез отказалась пустить репортеров внутрь, камеры наружного наблюдения исправно фиксировали каждый шаг парней. Нескольким везучим журналистам даже удалось перехватить их у самого автомобиля и буквально на ходу задать пару вопросов.

— Господин Лу-младший, как вы относитесь к своей «мачехе»? Каковы ваши намерения?

— Господин Лу, ходят слухи, что новый супруг вашего отца, Омега, ждет ребенка. Вы приехали именно поэтому?

Ого! Вопрос второго репортера произвел эффект разорвавшейся бомбы, мгновенно перетянув на себя все внимание. Даже его менее расторопный коллега, спросивший первым, тут же наострил уши.

Любая сенсация, завязано ли в ней хоть немного политики, всегда несет в себе скрытую угрозу для журналистов. Однако скандал вокруг иска Лу Чжао против собственного отца разгорелся настолько мощно, что ни одно агентство не собиралось упускать столь лакомый кусок.

А раз так, стоило зайти с другого бока и сместить фокус на вечные темы: семейный раздор в высшем обществе, вендетту отца и сына или грядущую битву за наследство между пасынком и молодой мачехой. Подобная светская хроника была и невероятно драматичной, и гарантированно привлекала аудиторию, а главное — оставалась абсолютно безопасной.

Известие о беременности подлило масла в и без того бушующий огонь любопытства. Журналисты мысленно кусали локти: как они сами до этого не додумались? Даже без наводок от тайных осведомителей логика лежала на поверхности. Альфа в расцвете сил и юный Омега, сочетавшиеся браком несколько месяцев назад, — появление наследника в таком союзе было лишь вопросом времени.

Пока пресса судорожно переваривала новые факты, объективы камер оставались намертво прикованы к Лу Чжао и Цэнь Яну. Главной мишенью, разумеется, выступал Лу Чжао. Его спутника-Альфу обделили вниманием — их совместную историю репортеры успели перетряхнуть до последнего грязного перышка еще на прошлой неделе.

Встретив устремленные на него выжидающие взгляды, Лу Чжао ответил с безупречным спокойствием:

— Нет.

Репортеры широко раскрыли глаза от удивления.

— Я и сам понятия не имею, зачем ему понадобилась эта встреча, — ровным голосом продолжил юноша. — Не будь он в положении, следователи давно бы его допросили. Однако сейчас, учитывая его особое состояние и госпитализацию, ситуация иная. Согласно Положению о защите беременных Бет и Омег, без неопровержимых улик полиция не может официально допрашивать человека в таком положении. Тем не менее для дела, которое я веду против отца, этот господин Омега — ключевой свидетель.

Он сделал короткую паузу и добавил:

— Я согласился помочь следствию и задать ему несколько вопросов от лица полиции. Разумеется, предварительно я проконсультировался с врачами, чтобы убедиться, что его здоровью ничего не угрожает. Раз уж руководство клиники одобрило нашу встречу, полагаю, никаких препятствий нет.

Его слова прозвучали настолько искренне и обыденно, а стоящий рядом Цэнь Ян сохранял такое невозмутимое выражение лица, что жаждущие сенсаций журналисты почувствовали легкое разочарование.

Если дело касается официального расследования, публиковать жареные факты без разрешения юристов никто не рискнет.

— Благодарю вас за интерес к этой теме, — внезапно добавил Лу Чжао, выждав, пока по толпе прокатится вздох разочарования. — Тайну следствия я раскрывать не вправе. Но если окажется, что его мотивы носят сугубо личный характер, я обещаю поделиться подробностями, когда выйду из клиники.

Ого. Сюжет обещал сделать крутой поворот.

Репортеры воспрянули духом. Напоследок пожелав Лу Чжао и Цэнь Яну удачи, они проводили их взглядами до дверей больницы, после чего тут же принялись вполголоса переговариваться с коллегами.

— Послушай, а ребенок этого Омеги ведь тоже имеет право на наследство бывшего председателя Лу, верно?

— Само собой. Лу Шэн и этот мальчишка женаты совершенно официально, комар носа не подточит.

— Ну, тут бабушка надвое сказала. Разве вы не читали исковое заявление младшего Лу? Он требует вернуть все незаконно нажитые средства согласно брачному договору его матери.

— До чего же закручено! Настоящая драма.

— Лу-младший держится потрясающе зрело. Я то и дело ловлю себя на мысли, что забываю: он ведь всего лишь первокурсник...

— Первокурсник... Да уж, — вздохнул кто-то в толпе, и разговоры на мгновение утихли. Журналисты притихли, внезапно осознав, что этот юноша, приковавший к себе внимание половины обитаемой галактики, вместе со своим спутником на самом деле еще совсем мальчишки.

Репортеры не особо заботились о конспирации, а у Лу Чжао и Цэнь Яна ментальная сила уже пробудилась. Стоило слегка сосредоточиться, и весь гул голосов у входа отчетливо доносился до их слуха.

— Они спят и видят, как ты будешь делить копейки с отпрыском Е Синлани, — резюмировал Цэнь Ян.

Лу Чжао лишь покачал головой, не зная, что на это ответить.

— Хотя, если суд признает брачный контракт действительным, от состояния Лу Шэна не останется и цента, — хмыкнул Цэнь Ян. — Единственное, чем он сможет поделиться с молодым супругом из тюремной камеры, — это собственной кровью для синтеза феромонов.

Федеральное законодательство в этом отношении было проработано до мелочей. Если один из супругов оказывался за решеткой, закон позволял оставшемуся на свободе партнеру, связанному узами полной метки, ежегодно получать искусственно синтезированные феромоны осужденного, чтобы благополучно переживать периоды гона или течки.

Лу Чжао неопределенно хмыкнул.

— Разумеется, сохрани Е Синлань хоть каплю здравого смысла, он бы давно избавился от плода и выжег эту метку к чертям, — негромко добавил Цэнь Ян.

Памятуя об их недавней встрече в загородном поместье, когда Е Синлань искренне изумился, узнав о родстве Лу Шэна и Лу Чжао, юноши сошлись во мнении: парень действительно оставался в неведении. Лу Шэн виртуозно вешал ему лапшу на уши.

Было в этом нечто поразительное. Взрослый двадцатипятилетний человек, у которого хватило ума сдать самые сложные экзамены в Федеральный объединенный университет, ухитрился прожить с мужем несколько месяцев и даже не поинтересоваться его семейным прошлым.

Цэнь Ян благоразумно промолчал, решив не озвучивать вертевшуюся на языке фразу вроде «наш сокурсник Е непроходимо глуп», хотя именно так и считал. С другой стороны, эта

наивность, граничащая со скудоумием, могла сослужить Е Синланю хорошую службу — у следствия просто рука не поднимется притянуть его к уголовным делам Лу Шэна в качестве соучастника.

Лу Чжао оставил его размышления без комментариев.

Как только подтвердилось, что Е Синлань действительно ничего не знал и к гибели матери Лу Чжао непричастен, всякий интерес к этому Омеге у него испарился. Тот оставался для него лишь бывшим, который когда-то изменил ему в период их отношений, не более того.

Однако то, с каким упорством Цэнъ Ян продолжал перемывать кости несчастному Омеге, заставило Лу Чжао сощуриться от ревнивого раздражения.

«Надо же, как он печется о дальнейшей судьбе Е Синлани, — мысленно хмыкнул он. — Хорошо, запишем в блокнотик. Вернемся домой — обязательно его искусаю».

За этими мыслями они и не заметили, как подошли к нужной палате.

Задержавшись у дверей, юноши подождали, пока сканеры госпитального искусственного интеллекта идентифицируют их личности. С тихим шипением замок разблокировался, и створка скользнула в стену.

Е Синлань полулежал на многофункциональной больничной койке, устремив на вошедших напряженный взгляд.

Узнав, что Лу Чжао явится в сопровождении Цэнъ Яна, Омега до последнего надеялся избежать этого. Он и так чувствовал себя раздавленным и униженным. Зачем Лу Чжао тащит за собой посторонних? Неужели он до такой степени презирает его за прошлые грехи, что решил потешить самолюбие чужим присутствием?

Проглотив обиду, Е Синлань смирился. В конце концов, возможность встретиться с Лу Чжао лицом к лицу перевешивала любые унижения. Ради этого он был готов перетерпеть что угодно.

И вот этот миг настал. Дверь за спинами вошедших бесшумно затворилась. Е Синлань судорожно вздохнул, собираясь с мыслями, но не успел произнести ни слова.

— Госпитальный ИИ ведет непрерывную запись? — первым нарушил молчание Лу Чжао.

Е Синлань поперхнулся заготовленной фразой и после секундной заминки выдавил:

— Да.

— Отлично, — Лу Чжао заметно расслабился. — В таком случае мы с Цэнь Яном побудем здесь, у порога. Говори, зачем звал, только давай без долгих вступлений. Система ведь фиксирует каждое слово на видео и параллельно отслеживает твои жизненные показатели, верно?

Омега с трудом сглотнул вязкую слюну:

— Да, все так.

Он часами репетировал эту беседу, представлял ее до мельчайших подробностей, но суровая реальность мгновенно разрушила его иллюзии.

Лу Чжао держался так, словно перед ним находился зачумленный или опасный хищник, к которому ни в коем случае нельзя приближаться.

До боли закусив нижнюю губу, Е Синлань все же набрался смелости и заговорил по заготовленному шаблону:

— Чжао... Лу Шэн не раз говорил мне, что искренне гордится тобой. Твоим успехам он радовался больше всего. Для него ты был главным сокровищем из его прошлой жизни...

Лу Чжао молча смотрел на него.

Под этим холодным, пронизательным взглядом слова застревали у Омеги в горле, а былая уверенность таяла на глазах.

Что это за выражение лица? Презрение? Насмешка? Почему Лу Чжао смотрит на него как на умалишенного?

— Я... я понимаю, что ты все еще злишься на меня, — поспешно забормотал Е Синлань, сбиваясь с мысли. — Но нельзя же быть настолько безрассудным! Не знаю, что тебе наговорила мать перед смертью, но клянусь, Лу Шэн никогда не отзывался о тебе дурно. Если мы и заговаривали о тебе, то только по моей инициативе!

Лу Чжао промолчал, лишь бровь слегка приподнялась.

— Он просто скормил тебе те же дежурные фразы, которые готовил для пресс-конференций? — вежливо осведомился он. — Или даже не утруждал себя этим, а ты просто начитался его старых интервью?

Е Синлань сжал губы, упрямо уставившись на стоящего перед ним юношу-Бету:

— Давай просто успокоимся и поговорим как цивилизованные люди.

Вместо ответа Лу Чжао скосил глаза на Цэнь Яна.

Уж в собственном хладнокровии он не сомневался, а вот его спутник едва сдерживался. Лу Чжао заметил, как напряглись плечи Альфы. Цэнь Ян явно вел внутреннюю борьбу, понимая, насколько важен грядущий судебный процесс. Малейший неверный шаг, любая неосторожная реплика в этой палате могли обернуться против них — публика ведь обожает громкие разоблачения и неожиданные повороты сюжета.

Даже с учетом того, что иск против Лу Шэна во многом служил лишь ширмой для спецоперации Центрального полицейского управления, Цэнь Ян не собирался давать прессе ни единого повода для сомнений в их правоте.

Невольно залюбовавшись этой безмолвной поддержкой, Лу Чжао тихонько фыркнул. Нелепость всей ситуации и раздражение от глупости Е Синлани разом улетучились.

— Если ты не планируешь обвинить Центральное управление полиции в фальсификации улик, то можешь избавить себя от дальнейших тирад, — спокойно произнес он.

Омега опешил от подобной резкости:

— Ты!..

— Давай разложим все по полочкам, — Лу Чжао посмотрел на него в упор, сохранив ровный тон. — Доказательства по делу действительно не разглашаются, но окончательные выводы делаю не я. Моя роль свелась к передаче материалов следствию, а анализом и квалификацией занимаются профессионалы. Если ты сомневаешься в компетентности полиции, законности процедуры или подлинности улик, наберись терпения. По крайней мере, дождись выписки. Когда начнется процесс, суд сам определит, какие материалы можно сделать достоянием общественности.

Щеки Е Синлани мелко задрожали, он до боли сжал челюсти.

Все шло наперекосяк. Сценарий, который он выстраивал в голове, рушился на глазах.

В сознании набатом зазвучал панический внутренний голос, затягивая его в пучину отчаяния, подобно бурлящему водовороту.

Едва выкарабкавшись из этого ментального плена, Омега натолкнулся на ледяной, парализующий взгляд Цэнь Яна. Ему показалось, будто его заперли в тесной клетке, откуда нет выхода.

Липкий страх сковал тело. «Нет, спокойно, не нужно паниковать, — уговаривал он себя. — Они ничего мне не сделают. ИИ фиксирует каждое их движение, я в безопасности».

Судорожно переведя дыхание, Е Синлань выдавил из себя:

— Но Чжао... он ведь твой отец.

И его... его истинный Альфа, дарованный самой судьбой.

Человеческий разум упрямо отказывается верить в чудовищность тех, кого любит. Для Е Синланя обвинение супруга в убийстве собственной жены висело над головой дамокловым мечом, готовым в любую секунду сорваться и разрубить его жизнь на части.

Ему оставалось лишь трусливо пятиться назад, пряча голову в песок и твердя себе одно и то же: здесь какая-то ошибка. Наверняка Лу Чжао попал под пагубное влияние покойной матери. Та просто не смогла смириться с разводом и решила жестоко отомстить бывшему мужу, отравив разум сына ядом лжи.

От этой мысли по спине Омеги пробежал озноб. Если его догадка верна, то происходящее — запредельное, абсолютное безумие.

Пока он содрогался от подступающего ужаса, Лу Чжао, внимательно наблюдавший за сменой эмоций на его лице, вдруг негромко рассмеялся.

Этот смех заставил Е Синланя вздрогнуть, как от удара током.

Цэнь Ян тоже слегка нахмурился, с легким беспокойством покосившись на друга. Однако Лу Чжао не стал тратить время на Е Синланя. Развернувшись к парящему рядом медицинскому роботу-ассистенту, он обратился прямо к мерцающему интерактивному терминалу:

— Я намерен продемонстрировать господину Е один документ. Информация в нем может спровоцировать у пациента сильное эмоциональное потрясение. Прошу систему предварительно оценить риски и выдать соответствующее заключение.

Ровный, безжалостный голос юноши эхом отразился от стерильных стен палаты.

О чем он говорит? Какую правду он собирается раскрыть? Горло Е Синланя сдавил спазм, а сердце испуганно забилося в предчувствии неминуемой катастрофы.